

Я. С. БИЛИНКИС

## ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В последнее время в ряде работ Д. С. Лихачев убедительно показал, что у произведений литературы есть свой «внутренний мир», где проявляются себя особые законы пространства, времени, отношений человека со средой и т. д. Так это и в сказке, и в романе Достоевского, и в гончаровском «Обломове»<sup>1</sup>. Ученый отметил также, что при этом подлинно художественные создания вовсе не «содержат» строгой измеренной точности, но, напротив, как бы не позволяют ей себя сковать<sup>2</sup>.

Припомним теперь, что давно уже творцы искусства сталкиваются с так называемым «саморазвитием» ими же рожденных характеров, и Пушкин изумлялся тому, какую «штуку удрала» с ним его Татьяна, а Толстой — попытке Вронского покончить с собой.

Вот и появляются у нас, очевидно, основания предположить, что творения искусства и обладают несомненной внутренней законосообразностью, и несут ее в достаточной степени свободно. Как сама жизнь. Следовательно, жизнь свершается и в них. И потому отнюдь не метафорически можно говорить о внутренней жизни художественного произведения.

Хорошо известно, что классицистическая ода подчинялась в своем построении твердо определенным, безусловно обязательным правилам. И писались оды ведь обыкновенно «на случай», а следование образцам являлось нормой. Однако и в оде не только допускался, а и требовался некоторый «лирический беспорядок» — очевидно, без него она и в те времена не могла бы быть воспринята как художественное создание.

Вплоть до начала XIX в. в повествовательной прозе особенно дорожили излишними для сюжета описаниями. В их присутствии, можно думать, тоже усматривалось некое свободное движение жизни, и потому виделся признак художественности.

Но «лирический беспорядок» в оде именно требовался. И обойтись без описаний было почти что нельзя. Поэтому жизнь в действительном, полном и свободном своем выражении возникнуть в произведении не могла.

У истоков нашей великой литературы XIX столетия, предваряя замечательнейшие пушкинские свершения, появились крыловские басни и грибоедовское «Горе от ума».

В науке многократно рассмотрено, как Крылов ввел в устойчивую, сложившуюся систему связи басенных персонажей живую конкретность русских характеров и русского быта. «...Даже осел, несмотря на свою принадлежность климату других земель, явился у Крылова русским челове-

<sup>1</sup> См., например: Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения. — «Вопросы литературы», 1968, № 8.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Несколько мыслей о «неточности» искусства и стилистических направлениях. — В сб.: Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти академика Виктора Максимовича Жирмунского. Л., «Наука», 1973.